Хейвен вернулась домой, улыбаясь реакции Замиэля. Независимо от того, сколько лет было кому-то, не было такой вещи, как слишком опытный, поняла она. Было нормально нервничать, даже она нервничала за него, несмотря на то что знала, что у него все будет хорошо. Прежде чем отпустить ее, он слегка поцеловал ее, но она снова испытала головокружение. А ее клыки и когти снова были выпущены наружу. Что этот человек делал с ней? Она позволила себе упасть на кровать и продолжала хихикать про себя. Внезапно она остановилась. Что она делает? У нее есть более важные вещи, о которых нужно было позаботиться. Она все равно увидит Замиэля позже, когда он придет поужинать с ее матерью.

Теперь ей предстояло готовиться к уроку боя с Рошаном. Было бы неловко, если бы он знал, что произошло между ней и его сыном. Не то, чтобы Зарин был тем типом, чтобы говорить своим родителям что-либо или слушать их. Каждый раз, когда они говорили ему делать что-то или не делать, он говорил: «Хорошо, я буду» или «Хорошо, я не буду», а затем забывал об этом до следующего момента. Однажды его мать разозлилась и не пустила на урок: «Если ты не посещаешь свои уроки, не возвращайся домой». Она сказала ему. Зарин был ближе к матери, а Джина к отцу. Каждый раз, когда между родителями происходила ссора, Рошан говорил: «Ты испортила своего сына. Посмотри, как хорошо я воспитал свою дочь». Точно так же, как ее мать говорила с отцом: «Ты испортил свою дочь». Свою? Это никогда не было «нашим», когда они делали что-то не так. Это было то же самое, когда один из родителей делал что-то не так: «Твой отец ничего не знает». Хейвен подумала, что это весело. Иногда она хотела поправить их и сказать: «Мой отец и твой муж». Иногда она даже хотела подразнить свою мать и сказать: «Это Его Величество, король. Вы можете быть казнены». Может быть, она когда-нибудь это сделает в будущем. Всего год назад Хейвен услышала разговор Рошана с отцом. Он жаловался на воспитание детей. – Я никогда не думал, что это будет так сложно, – сказал он. – Чем старше они становятся, тем труднее с ними. Ее отец кивнул в знак согласия: «Как родитель, кажется, что бы вы ни делали, этого недостаточно». – Девочка в порядке, но воспитывать мальчика… – Рошан покачал головой. Ее отец усмехнулся: «Мальчики бунтари. В конце концов, он успокоится». – Когда? – спросил Рошан. – Когда я был в его возрасте, я заботился о бизнесе моего отца и приносил больше богатства, чем отец. Когда ты был в его возрасте, ты уже заседал в королевском совете, был командующим королевской армией и выиграл несколько сражений. Когда его дядя был в его возрасте, он основывал королевство. Мужчины его возраста обеспечивают свои семьи. Это был день, когда Хейвен осознала, что у нее есть обязанности и ответственность. Она не могла просто отказаться от того, чтобы выйти замуж. Это был ее долг как принцессы. Каким бы легкомысленным не был Рошан, когда дело доходило до бизнеса, он был серьезен.

– Время и деньги – это вещи, которые вы должны использовать с умом, – Он рассказывал им. – Используйте свой мозг и свою силу щедро. Чем больше вы их используете, тем сильнее они растут.

Он всегда давал им советы время от времени, Джина принимала их, а Зарин уходил от них.

Благодаря Рошану Хейвен научилась не винить своих родителей и ценить их.

– Пытаться быть хорошим родителем – это все равно, что пытаться решить загадку без ответа. – Однажды Рошан сказал ей. Хейвен тогда была молода, но она уже понимала, что быть родителем нелегко. Если кто-то вроде Рошана жаловался, то она могла только представить.

Хейвен любила Рошана. Она не хотела, чтобы он не любил ее из-за Зарина, поэтому она нервничала перед встречей с ним.

Она отправилась на задний двор и обнаружила, что он тренируется с Джиной. Некоторое

время она наблюдала за ними издалека, пока они не заметили ее. – Хейвен! Джина помахала рукой, чтобы она подошла. Она приблизилась к ним, и Джина, как обычно, улыбнулась ей. Хейвен не беспокоилась о Джине. Она всегда говорила ей, чтобы отношения между ними и ее отношения с братом были разделены. – Доброе утро. Хейвен приветствовала обоих. – Доброе утро, – ответил Рошан, и Хейвен попытались проанализировать его выражение лица. Он казался обычным. Джина ушла с площадки, чтобы ее отец мог тренировать Хейвен. На этот раз Рошан бросил в нее кинжал, и Хейвен поймала его в воздухе. Она вопросительно посмотрела на него. – Я думаю, что сейчас ты очень хорошо сражаешься с мечом. Гораздо выгоднее будет сражаться кинжалами при борьбе с демонами. Их также легче носить с собой везде. – Он объяснил. Рошан был мастером использования кинжалов, но Хейвен, по крайней мере, не показала себя неумелой дурочкой, учась на этот раз. После борьбы с демонами на вечеринке ее воля к обучению возросла. Она также хотела освоить кинжалы. – Ты стала значительно лучше, – сказал Рошан, выглядя впечатленным, когда урок закончился. – Спасибо. – Хейвен задыхалась. – Спасибо за то, что каждый день уделяешь время тому, чтобы научить меня. Она вернула ему кинжалы.

– Сохрани их, – отказался он. – Ты должна привыкнуть держать их при себе. Кинжалы были очень острыми и их было легко спрятать, чтобы носить с собой.

– Спасибо. Она сказала еще раз, потом они разошлись. Вернувшись в свою комнату, Хейвен ожидала найти Джину, но вместо этого нашла бабушку. Она почувствовала аромат вкусного чая своей бабушки.

– Ты приготовила мне чай? – спросила она.

Бабушка кивнула: «Проходи, давай выпьем его в саду».

Как только они сели снаружи, Хейвен подумала, как попросить свою бабушку о помощи. Возможно, ее бабушка могла бы показать ей с помощью магии, каково это быть запертой внутри или убить свою семью. Ей пришлось признать, что ей было страшно видеть все это, но она действительно хотела знать, насколько это беспокоило Замиэля. – Нет! – Ее бабушка отказала, как и Замиэль. – Но, бабушка… – Нет! Ты не знаешь, о чем просишь. Ты никогда не захочешь проходить через что-то подобное. Даже в твоих снах. Хейвен нахмурилась. Казалось, что ее бабушка говорила по собственному опыту. – Хейвен, Замиэлю нужно время, чтобы исцелиться. Единственное, и лучшее, что ты можете сделать для него, это просто быть рядом.– Этого недостаточно, – сказала Хейвен. Что-то было не так с Замиэлем. Ему становилось хуже как раз тогда, когда она думала, что ему становится лучше. – Этого достаточно. Не подталкивай его и не пытайся заставить его раны заживать быстрее. Просто… – Бабушка внезапно расстроилась. – Бабушка? Что не так? – Хейвен спросила, обеспокоенная.

– Ничего. Это просто трудно объяснить, пока у тебя нет ребенка.

Ох. Хейвен забыла, что ее бабушка прошла почти через то же самое. Она могла видеть боль в ее глазах, когда продолжала слушать.

– Нет такой боли, как боль, когда у тебя отбирают ребенка. Зная, что ты не можешь защитить его… – Ее голос сломался, и она покачала головой, словно сдерживая слезы.

Хейвен почти плакала. Она никогда не видела свою бабушку такой.

– Знать, что ты никогда больше не будешь держать его или никогда не сможешь видеть, как ребенок растёт, плачет или улыбается. Это мучительно. Потерять своего ребенка и человека, которого вы любите одновременно, должно быть еще более мучительно. Я также была заперта

в гробу. Не так долго, как он, но короткое время, которое я была заперта, заняло много лет, чтобы исцелиться. Я все еще не люблю темные замкнутые пространства. Даже в твоих снах я не позволю тебе испытать такое.

Хейвен никогда не думала об этом с точки зрения ее бабушки. Обычно она пыталась представить себе потерю родителей, чтобы понять Замиэля. Но потеря родителя – это не то же самое, что потеря ребенка. Обе потери были болезненными, но потеря ребенка, казалось, сопровождалась чувством вины. Что как родитель ты не мог защитить своего ребенка. Замиэль имел дело с большим количеством эмоций, и как бы она ни старалась понять, она никогда не могла понять по-настоящему. Как сказала ее бабушка, она просто должна была быть рядом с ним.

– Есть ли проблемы между вами двумя? – спросила бабушка.

Хейвен покачала головой: «Я просто ненавижу смотреть, как он страдает, но он… все, что я искала. Я сказала тебе однажды, что хочу найти такого человека, как отец. Я нашла его». – Она улыбнулась, чувствуя себя застенчивой. – Он приедет сюда сегодня. Я надеюсь, что мама даст ему шанс.

Бабушка вздохнула. «Он не из тех, кто ждет шанса. Он берет его».

Хейвен с любопытством наклонили ее голову. Ее бабушка, казалось, странно любила Замиэля.

– Бабушка? Кажется, тебе нравится Замиэль?

– Согласна. Я устала от того, что ты встречалась со всеми этими людьми, ищущими власти. Я всегда хотела кого-то сильного для тебя, кого-то, кто поставит тебя на первое место, кого-то, кто заставит тебя расцвести. Пока ты встречалась с женихами, я на самом деле искал его, но у меня больше нет причин искать. Он пришел сам.

Теперь Хейвен была в замешательстве: «Что ты имеешь в виду? Знаешь ли ты его?»

Бабушка поставила чашку с чаем. Улыбка изогнула ее губы. Казалось, что она ждала, чтобы сказать ей все, что она собиралась сказать.

– У моей матери была способность видеть проблески будущего. Она предсказала, что твой отец будет великим правителем. Я обнаружила, что у меня такая же способность. У меня были сны о тебе и, возможно, о человеке в твоей жизни.

Хейвен с любопытством слушала: «Что ты увидела?»

http://tl.rulate.ru/book/44137/1883166